

Правила и принципы социологического анализа

Аннотация

В статье прослеживается эволюция методов социологического анализа. На основе подхода И.Лакатоса определены основные структурные единицы исследовательской методологии — принципы (ключевые постулаты) и правила (директивы по проведению поиска), которые по присущей им модальности делятся на позитивную и негативную эвристику. Перечисленные структурные элементы методологии — принципы, позитивная и негативная эвристика — рассматривались в посвященных особенностям социологического исследования трудах Э.Дюркгейма, М.Вебера, Р.Мертон, Ч.Р.Миллса, Э.Гидденса, Дж.Урри и Б.Латура. В статье продемонстрировано, что изменения в исследовательских методах обусловлены развитием как общества, так и самой методологии социологических исследований как отрасли научного знания.

Ключевые слова: *правило, принцип, методология, позитивная эвристика, негативная эвристика*

Современная система научного знания прошла долгий путь развития от синкретической формы, представленной философией, до разветвленной сети дисциплин, каждая из которых, в свою очередь, имеет собственную структуру. Ее сложность обуславливает необходимость размежевания сфер компетенции разных наук, определения их уникальности и обоснования ее посредством обращения к таким категориям, как предмет и метод. Становление социологии как автономной отрасли научного знания и ее дальнейшая эволюция также сопровождалась рефлексией по поводу предметной сферы и особенностей ее изучения.

Даже поверхностный анализ социологических текстов позволяет заметить, что наиболее продуктивным путем поиска демаркационной линии, которая бы сделала возможным отмежевание социологии от не-социологии и не-науки вообще, является описание специфики ее методов, поскольку сре-

ди ученых отсутствует единство в понимании предмета науки, его основоположных черт, которые должны определять фокус анализа. Не случайно авторы популярных пособий по социологии — Э.Гидденс (Гидденс, 1999] и П.Бергер (Бергер, 1996] — дают ответ на вопрос “Что такое социология?”, обращаясь к характеристике ее познавательных методов. Именно они, применяемые к тем или иным социальным явлениям и процессам, формируют предметное поле социологии, а значит, и конституируют ее как независимую науку (подробное рассмотрение представлений ученых о том, какими должны быть методы социологического познания для достижения последним статуса научного, содержится в работе С.Макеева ([Макеев, 2012]).

Методы социологического познания не являются раз и навсегда созданными эвристическими алгоритмами: в качестве инструмента изучения изменчивой социальной реальности они эволюционируют вместе с ней как ответ социологии на эпистемологические вызовы новых социальных условий. Именно на таких изменениях в социологических методах и будет сосредоточено внимание в данной статье.

Классические правила и принципы социологического метода

Описывая методологические основания социологического познания, изложенные в работах ученых, можно, вслед за И.Лакатосом [Лакатос, 2008а; Лакатос, 2008b], сосредоточиться на следующих основных разновидностях. Во-первых, принципы — утверждения, в которых сформулированы ключевые постулаты методологии исследователя. Во-вторых, правила — директивы по проведению научного поиска, которые по своей модальности делятся на негативную (в форме запретов) и позитивную (в форме предписаний) эвристику. При этом центральные положения исследовательской методологии программы сосредоточены именно в негативной эвристике и принципах, в отличие от позитивной эвристики, которая оказывает значительно меньшее давление на ход научного поиска. Эти разновидности методологических императивов и выделяются в дальнейшем в ряде работ, вошедших в историю социологической мысли.

Впервые в социологической науке основательное рассмотрение особенностей методологии социологического исследования осуществил Эмиль Дюркгейм, который, как и Огюст Конт, считал социологию одной из позитивных наук, задачей которой является выявление таких же незыблемых, как и законы природы, социальных законов. Рассуждения об особенностях социологического метода встречаются во многих работах Дюркгейма, но в наиболее концентрированной форме они содержатся в его фундаментальном труде “Правила социологического метода” [Дюркгейм, 1995b] в виде стройного перечня из четырнадцати правил (первое из которых дополнено еще тремя — так называемыми короляриями) и одного принципа.

Фокус социологических исследований у Дюркгейма намечен уже во вступительной лекции к “Курсу социальной науки” [Дюркгейм, 1995а]. Ученый акцентирует внимание на социальных фактах, которые считает элементарной единицей анализа в социологии. Согласно Дюркгейму, термин “социальный факт” обозначает особые наиндивидуальные способы мышления, действий и чувств. Его признаком является наличие или возможность применения принудительной власти в виде разнообразных санкций

со стороны социальных фактов, применяющихся в случае противостояния ей. Поскольку те или иные формы социального контроля, связанные с социальными фактами, не всегда доступны для созерцания наблюдателя, Дюркгейм выделяет еще один их признак — распространенность определенных общих форм поведения индивидов, не обусловленных их индивидуальным сознанием.

В совокупности социальные факты образуют две группы: к первой принадлежат те, что являются собой разные способы действий, — они репрезентируют область исследований физиологии, во вторую входят формы коллективного бытия, относящиеся к социальным фактам морфологического порядка. По аналогии с биологией ученый предлагает два главных направления их рассмотрения — через функцию и структуру. Функция соответствует физиологии, а структура — морфологии; именно изучению функций следует уделять наибольшее внимание, поскольку структуры являются производными от них.

В целом для подхода как самого Дюркгейма, так и его последователей, среди которых Марсель Мосс, Поль Фоконе, Морис Хальбвасс и другие, характерно обращение к коллективному в противовес индивидуальному, объективизм в отличие от конструктивизма, социологизм и позитивизм (подробнее о Дюркгеймовой исследовательской программе см.: [Коркюф, 2002: с.10; Осипова, 2001]). Это реализуется благодаря методологическим принципам и правилам, апробированным Дюркгеймом главным образом в его масштабном труде “О разделении общественного труда” [Дюркгейм, 1996], а позже уточненным и обобщенным в “Правилах социологического метода” [Дюркгейм, 1995b].

Фундаментальные положения социального исследования у Дюркгейма касаются, во-первых, фиксации социальных фактов, являющихся референтами устоявшихся социальных практик; во-вторых, способа выявления функций этих фактов; в-третьих, определения взаимосвязей между фактами.

Так, *первый принцип* — это наличие наиндивидуальных референтов определенных явлений — социальных фактов, которые и должны изучать социологи. Этот принцип позволяет выявить особенности социологического подхода к изучению социальных явлений в сопоставлении с другими науками, прежде всего с психологией. Полемика по этому вопросу была продолжена Дюркгеймом и в книге “Социология и социальные науки (спор с Тардом)”, увидевшей свет в 1903 году [Дюркгейм, 1995с].

Второй принцип заключается в том, что социальные факты существуют в определенном контексте. Факт, как подчеркивает Дюркгейм, не может быть понят сам по себе, что ярче всего демонстрирует анализ морфологических фактов. Для его объяснения необходимо обращение к той подсистеме, в которой он возник, выяснение его значения для нее.

Третьим принципом является отличие между причинами возникновения определенных явлений и выполняемыми ими функциями, которое нужно иметь в виду исследователю. Дюркгейм обосновывает необходимость его использования на примере социальных институтов: институт может как выполнять некоторые функции, так и перестать это делать или же сменить эти функции на другие, что, в свою очередь, обуславливается определенными обстоятельствами.

Негативную эвристику Дюркгеймового подхода будут представлять правила, тесно связанные с очерченными выше принципами.

В процессе исследования социальные факты нельзя подменять понятиями, являющимися их референтами (так называемое изучение фактов как вещей). Определение социального факта, его обозначение должны быть результатом обоснованных эмпирических исследований.

Факт не может быть описан без определения состояния и этапа развития социальной системы или подсистемы на момент его обнаружения. Только сквозь призму типичных черт этих последних можно понять роль и место изучаемого факта в социальном целом.

В ходе поиска наблюдаемых признаков социальных фактов следует избегать тех, в которых проявляется индивидуальное сознание индивидов. Коллективное у Дюркгейма существует вне индивидуального сознания — благодаря этому социальный факт получает статус независимого бытия, а следовательно, и способности влиять на индивидов.

Объяснение причин социальных фактов нельзя осуществлять, обращаясь к интересам индивидов. Эти причины нужно искать в потребностях социальной системы как целого, которое являет собой особую форму реальности, порожденную индивидуальным взаимодействием. Таким образом, социальные явления должны быть истолкованы через социальные явления, поскольку лишь при таких условиях объяснение оперирует категориями одного порядка.

Позитивная эвристика подхода, очерченная в менее строгой форме, чем негативная, представлена следующими правилами.

Социальные факты нужно изучать как чувственно-надчувственные феномены. Если сам по себе социальный факт, по Дюркгейму, — это более или менее устойчивая форма действия, то, разумеется, исследователь может зафиксировать те или иные его внешние проявления. При этом речь идет не о существовании определенных материальных артефактов, которые бы создавались в процессе его осуществления, — Дюркгейм решительно отрекается от того, что его учение можно считать материалистическим. Имеется в виду лишь отражение социальных фактов в доступной для измерения форме, которая может иметь и надчувственный характер. Баланс чувственных и надчувственных компонентов социальных фактов может различаться и соответствует их функциям в социальном целом.

В процессе исследования следует устанавливать нормальность или патологичность социального факта. Показателем нормальности социальных фактов является распространенность и неизбежность в рамках данной социальной системы. В свою очередь, выделение нормальных фактов дает нам основания говорить о механизме слаженного функционирования социального целого.

Выявление причин социальных фактов должно предшествовать изучению их функций, которые следует соотносить с социальными целями, существующими в исследуемый промежуток времени. Отсюда — эффективность того или иного социального института обусловлена его социальным контекстом.

В отличие от Дюркгейма Макс Вебер формулирует значительно более узкий перечень требований к проведению научного исследования, сосредоточиваясь на том, чтобы его результатом стало получение объективного зна-

ния о разных аспектах социальной реальности. Главное требование — широко известный *принцип* свободы от оценочных суждений [Вебер, 1990а, Вебер, 1990с], заключающийся в том, что собственное мнение ученого об определенном явлении никоим образом не отражается на его интерпретации, поскольку это ставит под угрозу получение истинного знания о нем.

Негативная эвристика веберовского подхода отражена в запрете смешивания констатаций фактов с оценками и тем более подмены первых последними. При этом объективное изложение фактов, по мнению Вебера, нужно осуществлять с применением идеальных типов, являющихся непротиворечивыми теоретическими конструкциями, отражающими наиболее существенные характеристики процессов и явлений или их связей, акцентируя их [Вебер, 1990b].

Позитивная эвристика содержит указание о направлении анализа оценок, предлагая объяснять идеи, на которых они основываются, что сделает возможным их критическое восприятие [Вебер, 1990b].

Развитие правил и принципов социологического анализа

По ходу развития социологической дисциплины перечень основных методологических императивов исследования уточнялся. В частности, Роберт Мертон разработал научный *этнос*, понимаемый как “аффективно окрашенный комплекс ценностей и норм, считающийся обязательным для каждого человека науки” [Мертон, 2006: с. 769], хотя мера интернализации таких норм у разных ученых может различаться. Научный *этнос* состоит из четырех *институциональных императивов*, а именно: универсализма, коллективизма, незаинтересованности и организованного скептицизма, которые в совокупности призваны обеспечить получение достоверного и надежного знания об исследуемых объектах [Мертон, 2006: с. 767–781].

Универсализм предполагает наличие предварительно отобранных безличных критериев определения научности знания. Коллективизм заключается в том, что научные открытия являются продуктом сотрудничества и базируются на разработках предшественников, то есть предназначены для использования всем сообществом. Незаинтересованность касается постоянного уточнения и проверки полученного знания экспертами со стороны. Организованный скептицизм связан со стремлением отыскивать причины даже обычных, рутинных практик, не принимать суждений на веру без доказательства.

Таким образом, у Мертона институциональные императивы представляют собой набор констатаций касательно поведения ученого, методологических принципов, связанных с процедурой получения достоверного знания о социальной реальности.

Между тем, рассмотрение Мертонового вклада в развитие методологии социальных наук не ограничивается определением научного *этноса*. Ученый обращает внимание и на то, что социальным наукам присуще слабое артикулирование собственной исследовательской методологии, обращение к ряду общепринятых правил, которые, однако, обычно не излагаются при презентации исследовательских результатов, что приводит к нарушению логических связей между отдельными элементами материала. Решение этой проблемы Мертон усматривает в процедуре *кодификации* — упорядочения и

классификации исследовательских процедур и сформулированных с их применением существенных выводов.

Основой кодификации является *парадигма*, где сосредоточены допущения, понятия и базовые положения, которые следует использовать при социальном анализе. Она выполняет пять функций в социальном познании: введение системы условных обозначений; уменьшение вероятности произвольного использования скрытых допущений и понятий; разработку оснований для дальнейшего накопления теоретических интерпретаций; создание возможности перекрестного сведения в таблицы важнейших понятий и выделения аналитиком на этом основании эмпирических и теоретических проблем, которые он упустил из виду; кодификацию качественного исследовательского аппарата, что делает его логически строгим. При этом парадигма не остается неизменной, напротив, она изменчива и существует лишь в определенный временной промежуток [Мертон, 2006: с. 100–104].

Процедуру кодификации Мертон применил для ревизии методологии функционального анализа [Мертон, 2006: с. 105–187]. Определение основных понятий и проблем, которые могут возникать в случае функционального изучения явлений, ученый начинает с того, что приводит три основных постулата функционализма и дополняет их. Так, постулат функционального единства он уточняет требованием приведения социальных единиц, для которых явления имеют функциональные (или дисфункциональные) последствия; для постулата универсального функционализма он указывает на необходимость оценки функциональных и дисфункциональных последствий явлений и измерения их баланса; для постулата обязательности он предлагает не только изучать функции определенного явления, но и находить его функциональные альтернативы.

Отсюда основными понятиями, используемыми в мертоновской функциональной парадигме, были: элементы, обладающие функциями; субъективные диспозиции; объективные последствия; единицы, для которых выполняется функция; функциональные требования; механизмы выполнения функций; функциональные альтернативы; структурный контекст (структурные ограничения); динамика и изменения; проблемы идеологического значения функционального анализа.

Главный *принцип* предложенной Мертоном программы — упорядоченность методологических оснований исследования — является результатом развития положений, которые ранее вошли в его научный этос. Средством обеспечения научности результатов исследования служит кодификация его процедур. Запрет введения скрытых понятий и неполного рассмотрения проблемы относится к *негативной эвристике* его подхода, тогда как определение понятий исследования и их систематизация, строгость и обоснованность исследовательских приемов составляют его *позитивную эвристику*.

Разработке социологической методологии посвящена также работа Чарльза Райта Миллса “Социологическое воображение” [Миллс, 2001]. Для описания специфики познавательного процесса, осуществляемого социологией, автор использует термин “*социологическое воображение*”, но его употребление будет релевантным и для более узких предметных сфер.

Социологическое воображение ученый трактует как способность понимать события из биографии одного человека в контексте истории общественного развития. При этом, поскольку программа Миллса имеет выражен-

ную гуманистическую направленность, основными референтами этих событий он считает личные трудности и общественные проблемы. Первые связаны с угрозами привычным ценностям индивида, тогда как вторые относятся к ценностям, которые разделяют представители разных слоев социума. Соотношение личных трудностей и общественных проблем позволяет релевантно описать состояние социума в определенный момент с учетом особенностей его предшествующего развития.

Сформулированный в таких общих понятиях методологический ориентир требует дальнейшего уточнения в виде более конкретных советов касательно возможности его воплощения на практике. В виде логического завершения приложения к своей книге, где описан процесс интеллектуально-творчества, Миллс формулирует ряд *рекомендаций и предостережений*.

Прежде всего ученый должен иметь активную исследовательскую позицию, то есть рассматривать проблемы человека и общества со своей личной позиции, абстрагируясь от существующих стереотипов. При этом исследовательские методы следует использовать гибко, не употребляя те или иные методологические постулаты как догмы, а значит, и видение проблем истории, биографии и социальных структур нужно подвергать постоянной ревизии. Описывать явления необходимо в четких и понятных терминах и обоснованно вводить новые понятия в текст работы.

События Миллс предлагает изучать в их развитии, то есть использовать трансисторические конструкции, не обходя при этом вниманием конкретно-исторических деталей, а также осуществлять максимально полный сравнительный анализ социальных структур, который бы охватывал широкий временной промежуток.

И наконец, общественные явления должны изучаться системно, что требует рассмотрения разных форм повседневной жизни через обращение к социальным структурам, в которые они встроены, и учет при изучении человека распространенности в обществе определенных типов личностей и механизмов их формирования.

Подобно тому, как Мертон осуществил ревизию “парадигмы функционального анализа”, Миллс предложил программу, ключевым принципом которой является описание явлений социальной реальности как включенных в более широкий социокультурный контекст — так называемое социологическое воображение. Отсюда — явление нельзя изучать без учета его связей с другими элементами социальной структуры и вне его развития (*негативная эвристика*). При проведении исследования ученый должен подходить к изучению явлений непредвзято, анализировать их комплексно и постоянно пересматривать исследовательские методы и полученные в ходе исследований результаты (*позитивная эвристика*).

Формулируя правила социологического метода в работе “Новые правила социологического метода: позитивная критика интерпретативной социологии” [Giddens, 1993], Энтони Гидденс уже в самом ее названии демонстрирует их отличие от предложенных ранее Дюркгеймом. Гидденс отмечает, что выдвинутая основателями социологии идея создания науки об обществе, подобной естественным наукам, становится все более иллюзорной. При этом речь идет не о том, что логика социального исследования кардинально отличается от логики исследования природы — научное знание как таковое имеет ряд сущностных черт, позволяющих отделить его от знания,

накопленного индивидом в процессе его повседневной деятельности или от того, что называют “здравым смыслом”. Главное отличие заключается в особенностях самого объекта исследования — общества, которое, в отличие от природы, является продуктом человеческой деятельности. Именно акцент на активной роли “компетентного” члена общества составляет главное отличие подхода Гидденса к рассмотрению этого феномена по сравнению с Дюркгеймовым фокусом анализа на социальных фактах как на индивидуальных феноменах, имеющих принудительную силу.

Такое изменение исследовательской оптики обусловлено обращением к тому состоянию социума, которое Гидденс называет современностью, приводя следующие его характеристики: действие индустриализма и капитализма; развитие административной власти, прежде всего в сфере использования информационных ресурсов; новые способы ведения войны и использования военных сил; формирование особого культурного универсума, возникшего после распада традиционного общества [Giddens, 1987]. Для получения надежного научного знания о существенных чертах социума в этих новых условиях необходимо пересмотреть методологические максимы, разработанные социологами ранее. Их ревизию Гидденс осуществляет с позиции развития собственного синтетического подхода, где он пытается преодолеть присущие прежде всего функционализму эвристические ограничения.

В целом подход Гидденса основан на синтезе структуры и агентности, другие примеры которого представлены в работах Маргарет Арчер и Пьера Бурдьё (см.: [Осипчук, 2009]). Он предполагает рассмотрение социальной структуры как дуальной, которая одновременно предстает и как условия и ресурсы, и как результат производства и воспроизводства взаимодействий, осуществляемых их компетентными участниками.

Основные принципы и правила социологического исследования изложены Гидденсом в работе “Новые правила социологического метода: позитивная критика интерпретативной социологии”, увидевшей свет еще в 1976 году (см.: [Giddens, 1993, p. 163–170]), хотя их контуры очерчены и в более позднем исследовании “Девять тезисов о будущем социологии” [Giddens, 1987]. В первой из этих работ правила социологического метода Гидденс резюмирует в виде суждений, образующих четыре секции. В первую включены касающиеся предмета социологии: производство и воспроизводство общества; во вторую — те, где определены границы агентности и формы, в которых процессы производства и воспроизводства можно изучать; в третью — те, где приведены формы, в которых “наблюдается” социальная жизнь и устанавливаются характеристики социальной активности; наконец, в четвертую — содержащие формулировки понятий в рамках социальной науки как метаязыка. В первую и третью группы включено по два таких суждения, во вторую — три, а в последнюю — два суждения, каждое из которых развивается в еще два уточнения. Отмечу, что все эти утверждения Гидденс считает не полноценной программой социологического исследования, а лишь ее неотъемлемой частью [Giddens, 1993: p. 168].

Во второй работе, как видно из ее названия, Гидденс приводит краткий очерк состояния тогдашней социологической науки и намечает направления ее дальнейшего развития, тезисно формулируя содержание каждой из девяти ее перспектив и объясняя их содержание.

Принципы Гидденсового подхода, определенные на основе этих источников, касаются его представлений о социальной структуре и социальных агентах и их взаимосвязи, а также о процессах, происходящих в социуме.

Первый принцип гласит, что социальная реальность не является внешней по отношению к любому субъекту, но перманентно продуцируется его действиями. Отсюда следует, что социальную реальность нельзя наблюдать извне: ученый постоянно включен в нее и является ее составляющей, а значит разрабатываемые им теории должны гибко отражать ее черты, а не приумножать количество ее интерпретаций.

Второй принцип касается действующих субъектов, которые, согласно ему, являются разумными и умелыми деятелями. Хотя они не всегда полностью осознают, какие ресурсы следует использовать в своих практиках, тем не менее они достаточно компетентны для того, чтобы своими действиями осуществлять производство и воспроизводство социума.

Третий принцип заключается в том, что человеческие действия структурно организованы. Однако здесь Гидденс отмечает, что хотя социальная структура влияет на действия индивида, нужно учитывать ее дуальную природу. Между структурой и агентностью существует постоянная взаимосвязь: с одной стороны, структура предлагает определенное поведение, с другой — сама конституируется из регулярностей человеческого поведения. Такой синтетический подход позволяет по-новому относиться к структурной перспективе социальных взаимодействий, поскольку здесь учитываются как факторы институционального принуждения, так и факторы, обуславливающие ту или иную конфигурацию институциональной структуры.

Четвертый принцип — существование связи между социальными процессами и явлениями. Соответственно, процессы, происходящие в социуме, не изолированы, а значит, должны анализироваться комплексно — как в контексте других процессов, имеющих в нем место, так и сквозь призму процессов, происходящих в других обществах.

Рассмотрим правила, составляющие негативную *эвристику подхода* Гидденса, указав, каких действий должен избегать исследователь.

Первое из них заключается в том, что при построении теории ученый, фиксируя существенные черты социальной реальности, должен отбирать их исключительно путем непосредственного наблюдения за процессом ее конструирования. При этом и сам исследовательский процесс также является средством создания реальности, к которому привлекается ученый.

Во-вторых, понятия, используемые при изучении социальных структур и систем взаимодействий, не являются сугубо результатом усвоения ряда профессиональных знаний, умений и навыков. Социологическое описание социальной реальности является промежуточным звеном между техническим научным языком и повседневными интерпретациями событий, используемыми действующими субъектами. Характеризуя социальные процессы, социолог основывается на восприятии их индивидами, а значит, оперирует теми понятиями, в которых они фиксируют свои значимые для повседневных взаимодействий черты этих процессов. А поскольку ученый является участником взаимодействий, то и научное знание опирается на имеющиеся у него представления о реальности, полученные в процессе ее конструирования. Таким образом, социологическим понятиям присуща “двойная герменевтика” — исследователи имеют дело с реальностью, уже проинтерпре-

тированной социальными акторами, реинтерпретируя ее на основании собственных теоретических схем.

В-третьих, невозможно трактовать социальную структуру только как ограничительную силу — она также очерчивает горизонт возможностей индивида. Так, позиция индивида в социальной структуре связана с определенными правами и обязанностями, что вносит упорядоченность в его взаимодействия с окружением, в частности, описывает для него перечень возможных действий в той или иной ситуации, через которые воспроизводится или изменяется структура.

И наконец, так называемые макро- и микропроцессы нельзя рассматривать отдельно от остальных. Более того, именно размежевание процессов на этих уровнях — самое сложное в подходе, где постулируется дуальность структуры. Основание макропроцессов следует искать в элементарных социальных взаимодействиях, а микропроцессов — в более сложных отношениях макроуровня, что стимулирует использование синтетического подхода, в котором должна рассматриваться их взаимосвязь.

Позитивная эвристика программы дополняет очерченную выше негативную эвристику рядом положений.

Так, первое такое правило имеет общий характер и заключается в том, что определение ценности теории должно опираться на результаты эмпирических исследований. Гидденс отмечает, что сложность социальной реальности обуславливает существование разных теоретических подходов к изучению одних и тех же явлений. Однако это не должно приводить к бесконечному разрастанию количества этих подходов — построение обоснованной теории требует тщательных эмпирических исследований.

Также социолог при описании реальности должен пользоваться терминами, на основании которых возможно познание тех или иных форм активности субъекта. То есть понятийный аппарат концепции должен отражать существенные черты исследуемых феноменов. Их выделение требует “погружения” в исследуемую реальность путем наблюдения за ней и понимания того, как она устроена, чтобы ученый мог участвовать в образующих ее практиках.

Научные теории следует корректировать исходя из изменений в поведении субъектов, вызванных усвоением ими понятий и концепций социальных наук. Социальные объекты, в отличие от природных, не остаются неизменными после окончания исследования. Взаимное обогащение запаса знаний как социальных наук, так и индивидов, поведение которых является объектом изучения, ведет к необходимости постоянной ревизии социальных теорий.

Рассматривая деятельность агентов, необходимо учитывать, что она в определенной мере ограничена социальной структурой. Хотя человек и конструирует, и воспроизводит структуру в своей деятельности, тем не менее позиция каждого конкретного индивида в этом процессе не является результатом его сознательного выбора, что сужает перечень доступных для него жизненных шансов.

Кроме того, при исследовании современных обществ нужно обращать внимание на имеющуюся в них регионализацию. Привлекательная для функционалистов идея консенсуса как объединительной силы далеко не всегда в полной мере воплощается в современных обществах. Как правило,

они не являются некой гомогенной целостностью, а значит, в них необходимо выделять отдельные гомогенные структурные единицы.

Наконец, следует рассматривать объединение обществ в конфигурации, образующие системы более высокого порядка, а отдельные общества необходимо изучать исходя из их позиции в такой конфигурации. Регионализация свойственна не только отдельным обществам, но и их объединениям, где имеет место разделение труда, власти и ресурсов для проведения военных действий.

Иное видение правил и принципов социологического метода представлено в работах Джона Урри, автора “парадигмы мобильности”, которая, по его замыслу, должна стать теоретико-методологической основой социологии на пороге нового столетия. Урри указывает на существование четырех основных значений понятия мобильности: 1) подвижность, или способность к перемещениям; 2) толпа (*mobility* — от *mob* (англ.); толпа; в этом случае речь идет об однокоренных словах); 3) вертикальное продвижение по позициям в социальной иерархии (наиболее распространенное в социологии значение, по определению Урри); 4) горизонтальные перемещения (например, миграция) [Урри, 2012а: с. 74–76]. В своих работах социолог обращается ко всем перечисленным разновидностям мобильности, различая среди них двенадцать взаимопересекающихся форм, которые образуют системы.

В фокусе внимания ученого — рассмотрение всех возможных форм движения людей, материальных и нематериальных объектов в их взаимосвязи, а также социальных последствий этих перемещений. Понятие социального в концепции Урри получает новое толкование — это взаимодействия не только между определенными субъектами, но и между субъектами и объектами, где последние не ограничены выполнением вспомогательных функций при взаимодействии первых. В этом случае возникают так называемые гибриды — специфические сочетания человека и предмета, которые целесообразно анализировать только как целостности. Ярким примером такого гибрида является водитель в своем автомобиле, где при изучении их в движении нет смысла рассматривать их отдельно друг от друга. Кроме того, само движение является набором поведенческих паттернов осуществляющих его людей, и включает сложные материальные инфраструктуры, которые не просто делают его возможным, но и определяют направление мобильности.

В целом “парадигма мобильности”, по Урри, позволяет пересмотреть содержание “социального”, которое является традиционным референтом общества в социологических исследованиях. Однако нужно отметить, что основу исследовательского подхода, который развивается в его трудах, составляет не только так называемый поворот к мобильности (*mobility turn*), но и обращение ученых к “постсоциальным отношениям”, свойственным современным поздним индустриальным и постиндустриальным обществам.

Яркий пример такого подхода — работа Карин Кнорр-Цетины, которая указывает на распад общины и традиций и усиление индивидуализации отношений, приобретающих инструментальный и обезличенный характер. В таких условиях ряд функций, выполнявшихся в процессе взаимодействия индивидами, берут на себя вещи, которые отныне становятся полноправными социальными акторами, а значит, объектами анализа, как предложено в концепции эпистемической вещи у Карин Кнорр-Цетины [Knorr Cetina, 1997], при рассмотрении не-людей у Бруно Латурса [Латур, 2004], обращении

к гибридам или систем мобильностей у Джона Урри [Урри, 2012b] и даже к масштабной переориентации исследовательской оптики посредством “поворота к вещам” (turn to things) на социологию вещей [Preda, 1999].

Новое понимание предмета социологии предполагает также изменение набора методов и методических приемов, призванных получить знание о социальной реальности. Так, Джон Ло, один из комментаторов работы Урри “Социология за пределами обществ”, в своей книге “После метода: хаос и социальная наука” [Ло, 2015] указывает, что теории могут зафиксировать лишь часть окружающего мира, который в силу своего многообразия и непостоянства оказывает сопротивление целостному и упорядоченному его описанию. Автор подхода методологического романтизма Ло подчеркивает множественность картин реальности, невозможность определения единой универсальной истины, а отсюда — ориентацию на отказ от сухого научного языка и захватывающее описание исследуемых процессов и явлений, присутствующие также в работах Урри.

Принципы и правила, на которых должно базироваться изучение социальной реальности, Урри излагает в книгах “Социология за пределами обществ. Виды мобильностей для XXI столетия” [Урри, 2012b] и “Мобильность” [Урри, 2012a].

Первый принцип парадигмы — социальная реальность текучая, подвижная, непостоянная. Социальное пространство возникает из процесса постоянных перемещений людей, информации, материальных предметов, и позиция индивида в этом обусловлена прежде всего доступностью для него тех или иных форм движения (мобильности). Соответственно, социальное — как эквивалент общества — следует понимать как порожаемое движением.

Второй принцип — материальные объекты являются важными элементами социальных взаимодействий. Этот принцип указывает на новое понимание социального порядка, который является гетерогенным и наряду с людьми включает и другие элементы, без изучения которых понимание социальных взаимодействий невозможно. Под материальными объектами Урри имеет в виду “природу” и “технологии”, которые способствуют перемещениям, мотивируют к ним или препятствуют им.

Третий принцип заключается в том, что появляются новые системы мобильности, приводящие к социальным изменениям, и задача ученого — обнаружить их. Определяя систему мобильности как средство обеспечить существование “пространства предчувствия” — совокупности процессов, способствующих предсказуемости движения, его стандартизации, ученый указывает, что каждому промежутку времени присуща господствующая система мобильности. При этом в начале XXI века системы мобильности существенно усложняются, компьютеризируются, специализируются, становятся взаимозависимыми, но вместе с тем отягощенными рисками “нормальных аварий”. Поэтому ученый должен сосредоточиться на основных характеристиках социальной реальности на момент исследования и выяснить, насколько правомерным может быть предположение о существовании глобальной автопойетической системы как нового этапа общественного развития.

Негативная эвристика парадигмы конкретизирует эти принципы следующим образом.

Во-первых, социолог не должен изучать социальную реальность в статике — подобные попытки непродуктивны. Урри является сторонником

примата динамики над статикой в социальном исследовании, что позволяет как можно лучше схватить разнообразные перемещения в пространстве.

Объяснение движения невозможно без применения метафор. В работе «Социология за пределами обществ. Виды мобильностей для XXI столетия» Урри обосновывает неправомочность отказа от использования метафор в социологических исследованиях, указывая, что на них базируется человеческое мышление, а значит неметафорическому мышлению приходилось бы прибегать к определенным формам метафорического замещения. Метафоры, связанные с мобильностью, в работах Урри достаточно многочисленны; самые распространенные — регион, сеть, текучая среда — он использует для описания социальной системы, образующейся в процессе глобализации.

Непременным условием исследования вещей является рассмотрение их как социальных фактов. Перефразируя Дюркгеймово правило об изучении социальных фактов как вещей, Урри имеет в виду, что материальные объекты являются не просто инструментами для упрощения взаимодействия — они создают определенные возможности, задавая набор дальнейших реакций. Отсюда материальные объекты как бы «распределяют» индивидов в пространстве и времени и определяют отношения между человеком и природой.

Проблемы, присущие определенному социуму, нельзя изучать без учета проблем, существующих за его пределами. Размывание государственных границ и интенсивные транснациональные взаимодействия приводят к тому, что толкование изменений в любой социальной системе с учетом одних лишь эндогенных факторов становится невозможным. Именно обращение к более широкому социальному контексту позволяет корректно их объяснять.

При изучении социальных процессов ученый не должен игнорировать и те из них, которые имеют хаотический и неурегулированный характер. Свойственная современному миру сложность взаимодействий порождает не только упорядоченные системы мобильностей, но и глобальные текучие среды — дискретные потоки людей, информации, материальных объектов, быстро и по непредсказуемым траекториям преодолевающих границы между регионами. Оба типа социальных феноменов являются равноправными объектами социологического исследования.

Позитивная эвристика исследовательской программы, представленной трудами Урри, дополнительно уточняет его методологию изучения социального пространства.

Прежде всего нужно выявлять основные характеристики и последствия физической, воображаемой и виртуальной мобильности. Постулирование подвижности социальной реальности имеет следствием поиск тех индикаторов, по которым ее можно было бы лучше всего описать. К ним принадлежат как специфические черты разных видов мобильности, так и их последствия для конкретных вовлеченных в них субъектов и для определенного сегмента социального пространства.

Исследуя распространение сетей и потоков, нужно учитывать их пересечения. Вовлеченность индивида в социальную жизнь обусловлена его способностью поддерживать взаимоотношения с другими индивидами, то есть поддерживать собственную социальную сеть. Сетевые взаимодействия отдельных индивидов соответствуют их возможностям и потребностям и являются социальными в том смысле, что ориентированы на реакции других людей. Сложные сети, образующие узлы, являются каналами. Через

узлы структурированных каналов могут проходить также неструктурированные потоки, образуемые людьми, информацией и материальными объектами, но они двигаются либо в национальных границах, либо над этими границами и не поддаются контролю со стороны отдельных обществ. При этом и сети, и потоки обусловлены наличием неравенств доступа к ряду возможностей.

Материальной наглядности анализа можно достичь путем обращения к чувственной конституции людей и предметов. Материальные объекты одновременно имеют субъективное (через которое осуществляется их влияние на поведение индивида, обусловленное особенностями его чувственного восприятия) и объективное измерение. Например, исследуя основания “чувства проживания”, нужно принимать во внимание вовлечение индивидов в определенные формы мобильностей, влияние информации и окружающих их материальных объектов.

Ученый должен освещать рост медиатизации социальной жизни, вызванный интенсификацией оборота образов и повышением эффективности их трансляции. Это правило связано с тем, что перемещение не всегда связано с изменениями позиции в пространстве. Здесь речь идет не о движении по вертикали между отдельными социальными позициями, а скорее о формах так называемого воображаемого присутствия, обусловленных перемещением людей, объектов, информации (распространение которой, в свою очередь, осуществляется через масс-медиа).

Следует понимать, что и гражданство имеет непостоянный характер: понятие общества как синоним понятия национального государства в условиях интенсификации мобильности теряет свой смысл. Новые возможности в сфере перемещений, в частности их ускорение и большая доступность для разных социальных категорий, делают население отдельных стран более подвижным.

Регулирование мобильностей ведет к внутригосударственным изменениям, которые должны отмечаться социологами. Интенсификация территориальных перемещений людей требует изменения системы социального контроля; в частности, государственная безопасность в этих условиях требует новых сложных систем учета населения.

Если рассмотренные в работах предыдущих авторов правила и принципы имеют общесоциологический характер, то перечень методологических ориентиров социального исследования, предложенный Бруно Латуром, касается лишь одной из социальных подсистем, регламентируя исследование науки и техники. Однако Латурова “Наука в действии” [Латур, 2013], по сравнению с трудами других авторов, также внесших вклад в методологию социальных исследований, примечательна не только благодаря содержанию соответствующих императивов. Латур едва ли не единственный, кто обосновывает статус правил и принципов в собственной методологии.

Так, *правила и принципы* в совокупности должны обеспечивать объединение в пределах отрасли “Наука, технологии и общество” данных разнообразных эмпирических исследований. При этом *правила* являются основоположными априорными решениями, принятие которых должно способствовать увеличению количества фактов, объясняемых концепцией, то есть сделать научный мир более понятным для сторонних наблюдателей.

В отличие от стабильного ядра правил, пересмотр которых будет нарушать целостный теоретический конструкт, принципы отражают представления Латура о положении дел в научной отрасли и порождены его собственным исследовательским опытом, а потому могут модифицироваться или уступать место другим.

Первое методическое правило Латура — изучать науку в процессе ее функционирования или в тот период, когда в ней еще не успели образоваться “черные ящики”, либо следить за дискурсами, которые открывают эти ящики. Это правило ученый формулирует во введении к своей работе, оно является фундаментальным для развития всей системы правил и принципов (при этом каждой из их шести пар посвящена соответствующая глава в книге).

В первой главе правило заключается в определении субъективности или объективности явления не через внутренние качества определенного объекта, а через их проявления в действиях других, а принцип — в том, что качества объектов являются не причиной, а следствием коллективных действий.

Правило и принцип, представленные во второй главе, можно изложить, соответственно, так: поскольку разрешение противоречий служит причиной репрезентации природы, то мы не можем апеллировать к ней для объяснения того, как и почему было разрешено определенное противоречие. Следовательно, ученые говорят от лица этих новых “союзников”, которых они сами же создают, а затем используют для обеспечения преимуществ в спорах.

В третьей главе изложено правило, согласно которому преодоление расхождений является причиной, а не следствием общественной стабильности, а потому объяснение разрешения противоречия со ссылкой на общество неправомерно. Эта идея получила продолжение в принципе, согласно которому научное знание представляется через ассоциации, а потому понимание фактов и машин означает понимание связанных с ними людей.

Четвертая методологическая пара — правило неуверенности в отношении содержания технауки, для понимания которого необходимо составлять максимально полный перечень участников научного процесса, выделяя в нем внутренний и внешний уровни. Соответствующий принцип здесь заключается в распространении в окружающей среде “науки и технологий” с увеличением в них эзотеричного содержания.

Следующее правило — необходимость в ответ на обвинение в иррациональности искать прежде всего вектор перемещений наблюдателя и определять протяженность выстроенной им при этом сети, а принцип состоит в том, что подобные обвинения выдвигают те, кто строит сеть, тем, кто оказывается у них на пути, а значит, расхождения обычно сводятся к длине сети, а не к типу мышления.

Последнее правило таково — об особых свойствах человеческого разума или мышления стоит говорить только тогда, когда после анализа способов сбора, комбинирования, связи и обратной отправки записей в сети что-то остается необъяснимым. Принцип, выведенный из этого правила, таков — научная история представляет собой историю размещенных вдоль сетей ресурсов, наличие которых делает возможными действия на расстоянии.

Как видно из предложенного Латуром перечня правил и принципов, советы о том, как должно быть организовано исследование, содержатся лишь в первых из них, тогда как его принципы иллюстрируют то, какого рода выводы касательно наблюдаемой реальности можно сделать на основании их

применения. Поэтому совокупность правил Латура соответствует *негативной эвристике* разработанного им подхода, а совокупность принципов — *позитивной*. При этом принцип его исследовательского подхода сформулирован в начале работы в виде первого методического правила; обозначения всех остальных относящихся к позитивной эвристике положений как “принципов” — скорее особенность авторской терминологии, нежели нечто, соответствующее их содержанию.

Выводы

Методологические ориентиры социологического исследования претерпевают постоянные изменения, обусловленные двумя факторами. Во-первых, предложенный ученым подход пригоден для описания актуального на момент его разработки состояния изменчивого социума. Во-вторых, сама наука как относительно автономная социальная подсистема также развивается, что характеризуется приращением массива накопленного ею знания, в том числе в методологической сфере.

Классические труды Э.Дюркгейма и М.Вебера созданы во времена, с одной стороны, становления социологии, а с другой — развертывания индустриализации, научно-технического прогресса и развития национального государства. Э.Дюркгейм сосредоточивается на детальной разработке алгоритма действий ученого: его методологические правила являются одним из первых шагов на пути определения специфики социологического исследования. Очерчивая поле социологических исследований, ученый предлагает изучать социальные явления на основе их наиндивидуальных референтов — социальных фактов — и приводит детальные рекомендации по их фиксации и корректному объяснению.

М.Вебер ставит вопрос о достоверности социологического знания, в частности, об избежании искажений информации об определенных процессах и явлениях в ходе самого исследования и дальнейшего представления его результатов. Считая их основным источником субъективные оценки ученого, Вебер подчеркивает необходимость их отделения от описания фактов, что целесообразно делать посредством конструирования идеальных типов.

В период перехода общества от индустриального к информационному этапу развития рассуждения по поводу получения качественного научного знания сохраняют свою актуальность. Система социологического знания разветвленна, поэтому возникает потребность не только в разработке новых методологических положений, но и в инкорпорации их в уже существующие. Тему достоверного научного знания Р.Мертон изучает исходя из того, что деятельность ученого по получению этого знания является институционализированной, а значит, координируется рядом ценностно-нормативных регулятивов (так называемым научным этосом), интернализованных учеными. Кроме того, он указывает на необходимость кодификации существующего знания, в том числе в сфере методологии, для создания упорядоченной аналитической парадигмы, призванной регламентировать исследовательский процесс.

Предложение Ч.Милса изучать социальные процессы и явления сквозь призму социологического воображения — как вплетенные в историю общест-

венного развития — также имеет своей целью создание целостной системы социологического знания.

Глобализационные процессы, на фоне которых происходила разработка Гидденсовых новых правил социологического метода, обусловили дополнение анализа отдельного социума обращением к другим связанным с ним обществам. Кроме того, ревизии подверглось и понимание социальной структуры, которая отныне рассматривается как детерминирующая действия индивида и ими же создаваемая. Признание активной роли индивида в процессе созидания реальности, в свою очередь, наложило отпечаток на способ описания изучаемых явлений, состоявший в реконструкции представлений о них субъектов действия.

И наконец, изменчивое и гибкое современное общество, представляющее собой глобальную подвижную систему, требует новых методов анализа, представленных в работах Б.Латура и Дж.Урри. Во-первых, это расширение перечня субъектов социального взаимодействия с добавлением в него нематериальных объектов. Во-вторых, это отказ от фиксации лишь регулярно повторяющихся процессов и явлений и акцент на непостоянстве социальной системы в целом. В-третьих, реализация такого подхода становится возможной благодаря применению таких методов сбора информации, которые позволяли бы понимать чувственное восприятие процессов и явлений индивидами, которых они касаются.

Источники

Бергер П. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / Бергер Питер ; пер. с англ. ; под ред. Г.С. Батыгина. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 168 с.

Вебер М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. Ч. 3 / Вебер М. ; пер. с нем. А.Ф. Филиппов, П.П. Гайдено. — М. : Прогресс, 1990. — С.707–735.

Вебер М. “Объективность” социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Избранные произведения. Ч. 2 / Вебер М. ; пер. с нем. М.И. Левина. — М. : Прогресс, 1990. — С. 345–415.

Вебер М. Смысл “свободы от оценки” в социологической и экономической науке / М. Вебер // Избранные произведения. Ч. 2 / Вебер М. ; пер. с нем. М.И. Левина. — М. : Прогресс, 1990. — С. 547–601.

Гидденс Е. Социология / Ентони Гидденс ; пер. з англ. В. Шовкун, А. Олійник ; науч. ред. О. Иващенко. — К. : Основи, 1999. — 726 с.

Дюркгейм Э. Курс социальной науки / Эмиль Дюркгейм // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Эмиль Дюркгейм ; пер. с франц. А.Б. Гофмана. — М. : Канон, 1995. — С. 167–198.

Дюркгейм Э. Метод социологии / Эмиль Дюркгейм // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Эмиль Дюркгейм ; пер. с франц. А.Б. Гофмана. — М. : Канон, 1995. — С. 5–164.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Эмиль Дюркгейм ; пер. с франц. А.Б. Гофмана. — М. : Канон, 1996. — 432 с.

Дюркгейм Э. Социология и социальные науки / Эмиль Дюркгейм // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Эмиль Дюркгейм ; пер. с франц. А.Б. Гофмана. — М. : Канон, 1995. — С. 265–285.

Коркюф Ф. Новые социологии / Филипп Коркюф ; пер. с франц. Е.Д. Вознесенской, М.В. Федоровой ; науч. ред. Н.А. Шматко. — М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетей, 2002. — 172 с.

Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции / Имре Лакатос // Избранные произведения по философии и методологии науки / Имре Лакатос ; пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса. — М. : Академ. Проект : Трикста, 2008. — С. 201–280.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / Имре Лакатос // Избранные произведения по философии и методологии науки / Имре Лакатос ; пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса. — М. : Академ. Проект : Трикста, 2008. — С. 281–462.

Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери [Электронный ресурс] / Брюно Латур // Неприкосновенный запас. — 2004. — № 2 (34). — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/lat1.html>. — Название с экрана.

Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука / Ло Джон ; пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой ; науч. ред. С. Гавриленко. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. — 352 с.

Макеєв С. Смыслові порядки інтелектуальних практик / С. Макеєв // Смыслова морфологія соціуму / за ред. Н. Костенко. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2012. — С. 124–151.

Мертон Р. Наука и демократическая социальная структура / Роберт Мертон // Социальная теория и социальная структура. Ч. 4 / Роберт Мертон ; пер. с англ. В.Г. Николаев. — М. : АСТ Москва : Хранитель, 2006. — С. 767–781.

Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Миллс Чарльз Райт ; пер. с англ. О.А. Оберемко. — М. : Издат. Дом Nota Bene, 2001. — 264 с.

Осипова Е.В. Глава 7. Социология Эмиля Дюркгейма / Е.В. Осипова // История социологии в Западной Европе и США : учеб. для вузов /отв. ред. Г.В. Осипов. — М. : Изд-во НОРМА (Издат. группа НОРМА — ИНФРА М), 2001. — С. 140–182.

Осипчук А. Синтез структури і агентності в європейській соціологічній теорії: критичний аналіз : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. соц. наук : спец. 22.00.01 “Теорія та історія соціології” / Осипчук Анна Дмитрівна ; Інститут соціології НАН України. — К., 2009. — 17 с.

Урри Д. Мобильности / Джон Урри ; пер. с англ. А.В. Лазарева. — М. : Издат. и консалтинг. группа “Праксис”, 2012. — 576 с.

Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Джон Урри ; пер. с англ. Д. Кралечкина. — М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. — 336 с.

Giddens A. New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies / Antony Giddens. — Stanford : Stanford University Press, 1993. — 186 p.

Giddens A. Nine Theses on the Future of Sociology / Antony Giddens // Social Theory and Modern Sociology / Antony Giddens. — Cambridge : Polity Press, 1987. — P. 22–51.

Knorr Cetina K. Sociality with Object. Social Relation in Postsocial Knowledge Societies / Karin Knorr Cetina // Theory, Culture and Society. — 1997. — Vol. 14, № 4. — P. 1–30.

Preda A. The Turn to Things: Arguments for a Sociological Theory of Things / Alex Preda // The Sociological Quarterly. — 1999. — Vol. 40, № 2. — P. 347–366.